

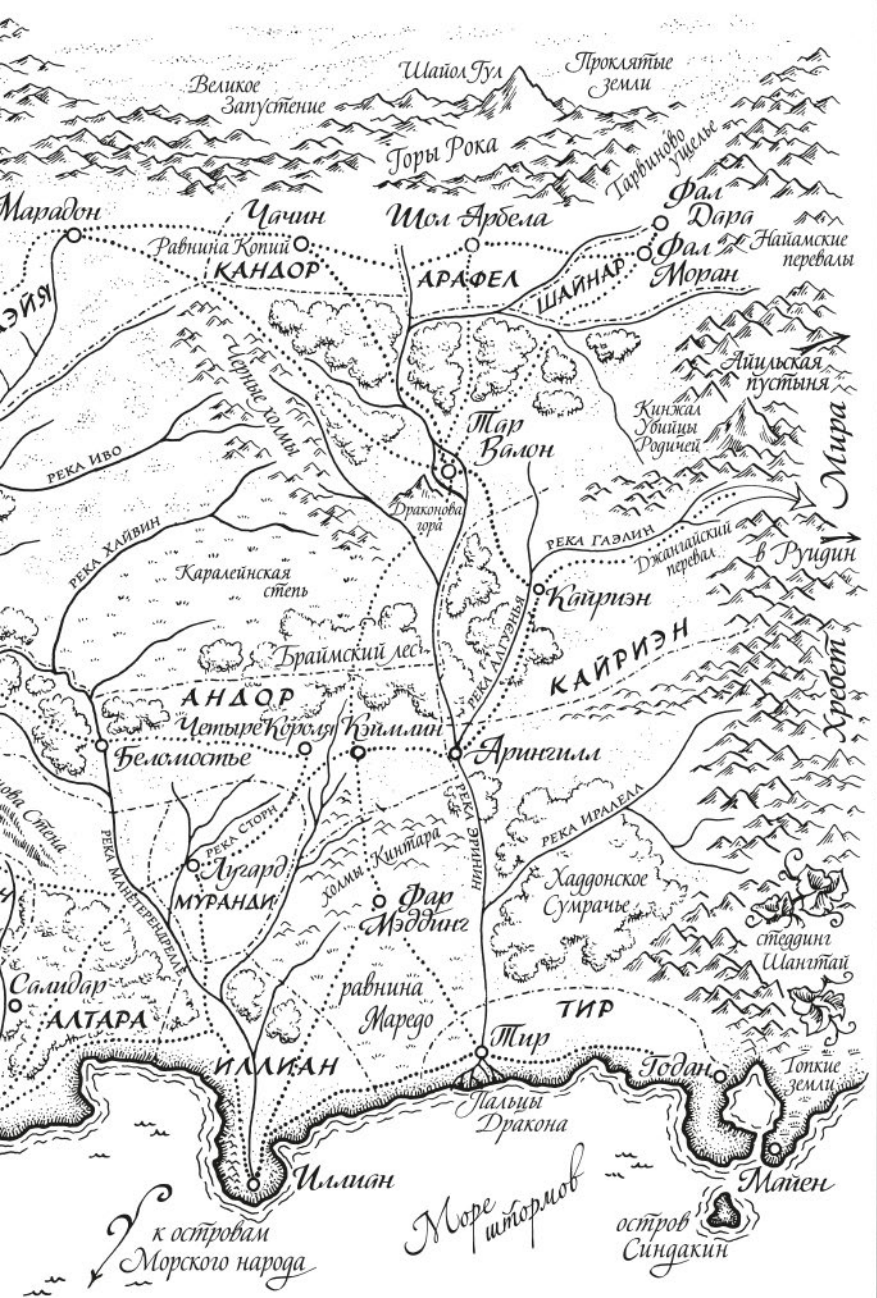

океан
Арийт

1994
© С.А.
Kishinev

ПРОЛОГ

Проблески Узора

Родел Итуралде ненавидел ожидание, хотя прекрасно понимал, что в ремесле солдата оно занимает немалое место. Ожидание следующего сражения, ожидание перемещения противника, ожидание ошибки врага. Стоя неподвижно, как и деревья вокруг, Итуралде наблюдал за зимним лесом. Солнце, преодолевшее уже полпути к зениту, совсем не грело. Пар от дыхания белым облачком клубился возле лица, инеем оседая на аккуратно подстриженных усах и на опушке капюшона из меха черной лисы. Он порадовался, что шлем висит на луке седла. Промерзшая кираса чувствовалась через куртку; холод, несмотря на несколько слоев шерсти, шелка и льна, добирался до тела. Даже седло Дротика казалось выстуженным, словно белый мерин был сделан из замерзшего молока. Будь у Родела шлем, того и гляди заледенели бы мозги.

Зима в Арад Доман пришла поздно, очень поздно, но зато обрушилась с удвоенной яростью. Менее чем за месяц летнюю жару, которая необычно затянулась до осени, сменила зима, мгновенно вступившая в свои права. И какая зима — самое сердце зимы. Листья, пережившие долгую летнюю засуху, замерзли прежде, чем успели окраситься в осенние цвета, и теперь вспыхивали в лучах утреннего солнца подобно необыкновенным изумрудам, заключенным в ледяную корку. С Итуралде

было двадцать с лишним верховых, и иногда лошади переступали копытами в глубоком, по колено, снегу. Проскакать солдатам пришлось немало, и независимо от того, хорошо или плохо кончится этот день, путь еще предстоит далекий. С севера по небосклону накатывали темные тучи. Итуралде и без предсказательницы погоды прекрасно знал, что к ночи еще резко похолодает. Так что к тому времени нужно будет укрыться под надежной крышей.

— Зима не так сурова, как в прошлом году, не правда ли, милорд? — тихо сказал Джаалам. Молодой высокий офицер как будто прочитал мысли Итуралде; слова его, произнесенные вполголоса, услышали и другие. — Но, по-моему, сейчас все равно кое-кто не отказался бы от горячего вина с пряностями. Естественно, не эта компания, на редкость воздержанная. Примечательно воздержанная. Думаю, они все тут пьют чай. Причем холодный. А найдись у них несколько березовых веников, они бы сейчас уже раздевались, чтобы принять снежную баню.

— Лучше пока что оставить одежду на себе, — сухо отозвался Итуралде, — кстати, сегодня вечером, если повезет, им удастся получить немного холодного чая.

Замечание вызвало несколько негромких смешков. Своих солдат Итуралде отбирал со всей тщательностью, так что они понимали, что означает шум не вовремя.

Ему самому вовсе не помешала бы дымящаяся кружка приправленного пряностями вина — или хотя бы чашка чая. Но давно миновало то время, когда купцы привозили в Арад Доман чай. Давненько уже ни один чужеземный купец не осмеливался даже пересечь границу с Салдэйей. Когда вести из большого мира доходили до Итуралде, они были такими же свежими, как выпеченный месяц назад хлеб, и уже начинали обрастать слухами. Хотя это и не важно. Если Белая Башня и в самом деле расколота, ополчилась сама на себя, если мужчин, способных направлять Силу, действительно созывают в Кэймлин... что ж, этот мир обойдется и без Родела Итуралде, пока Арад Доман вновь не обретет единство. Сейчас человеку в здравом уме хватит и одного Арад Домана — и без того проблем достаточно.

В который раз Итуралде восстановил в памяти отправленные им приказы, адресованные всем дворянам, сохранявшим верность королю. Письма были разосланы с самыми быстрыми

гонцами, какие только имелись у него в распоряжении. Знать разделяли наследственная вражда и сиюминутные ссоры, но присяга королю ее по-прежнему еще объединяет. Получив приказы от Волка, лорды соберут свои армии и выступят в поход; по крайней мере повиноваться ему они будут до тех пор, пока он в фаворе у короля. По приказу Итуралде дворяне даже станут прятаться в горах и ждать. О да, они будут недовольны, а некоторые примутся проклинать его, но они подчинятся. Им известно, что Волк всегда побеждал в битвах. Более того, им известно, что он выигрывал войны. За глаза его называли Маленьким Волком, но ему было почти что наплевать, обращают или нет внимание на его рост, главное — все исполняют то, что он приказывает.

Очень скоро им придется скакать, не жалея себя, к западне, которая не захлопнется еще несколько месяцев. Успешность замысла Итуралде зависит не от одного только времени, но и от многого другого. Сложные планы рушились и рушатся по разным причинам и по-разному, а этот план был хитрый, можно сказать — многослойный. Все может развалиться разом, еще не начавшись, если он не сумеет подсунуть в западню приманку по соблазнительней. Или если кто-то проигнорирует его распоряжение уклоняться от встреч с королевскими курьерами. Но всем были известны его резоны, и его объяснения принимали даже самые твердолобые упрямы, хотя мало у кого имелось желание говорить об этом деле во всеуслышание. Получив последний приказ Алсалама, он сам носился точно тень верхом на урагане. Сложенный пергамент был спрятан в рукаве, заткнут за светлые кружева, что спадали на окованную сталью латную перчатку. У них остался последний, один-единственный и очень маленький шанс спасти Арад Доман. Может, даже спасти Алсалама от него самого, пока Купеческий совет не решил посадить на трон вместо него кого-нибудь другого. Алсалам более двадцати лет был хорошим правителем. Да ниспошлет Свет, чтобы он им и остался.

С южной стороны раздался громкий треск, и рука Итуралде метнулась к эфесу длинного меча. Слабый скрип металла по коже подсказал, что остальные тоже потянулись к оружию. И опять — тишина. Лес был неподвижен, точно замерзший палец. Это всего лишь ветка, обломившаяся под тяжестью снега.

Спустя мгновение он расслабился — насколько мог расслабиться с тех пор, как с севера дошли слухи о появлении в небе у Фалме Дракона Возрожденного. Может, тот человек и в самом деле был Драконом Возрожденным, может, он и вправду появлялся в небе; так или иначе, эти слухи воспламенили Арад Доман. Итуралде был уверен: он сумел бы затушить вспыхнувший пожар, будь у него развязаны руки. И не подумайте, что он хвастался. Он знал, на что способен — в битве или на войне. Но с тех пор как Совет решил, что короля будет безопасней потихоньку вывезти из Бандар Эбана, Алсалам, по-видимому, вбил себе в голову, будто он — воплощение Артура Ястребиное Крыло. С тех пор его собственноручная подпись и личная печать красовались на десятках боевых приказов, потоком хлынувших оттуда, куда его запрятал Совет. Члены Совета нипочем не признаются, что это за место, не скажут об этом даже самому Итуралде. Стоило только упомянуть о короле, как каждая женщина из Совета, с которой сталкивался Итуралде, принималась юлить, уклоняться от разговора и отводить глаза. Он уже почти поверил, что они и впрямь не ведают, где Алсалам. Мысль, конечно, нелепая. Совет не выпускает короля из виду, наблюдая за ним недремлющим оком. Итуралде всегда считал, что купеческие дома слишком часто вмешиваются в дела страны, однако сейчас ему хотелось, чтобы они вмешались. Почему купцы отмалчиваются — вот загадка; ведь король, который причиняет ущерб торговле, не способен долго усидеть на троне.

Итуралде оставался верен своим клятвам, и Алсалам, кроме того, был его другом, но приказы, которые рассылал король, будто нарочно были составлены так, чтобы ввергнуть все в хаос. Конечно, приказы нельзя игнорировать. Конечно, Алсалам — король. Но он отдал Итуралде распоряжение как можно скорее двигаться на север, навстречу громадному скоплению принявших Дракона, о котором Алсаламу предположительно стало известно от тайных шпионов. А потом, десять дней спустя, когда ни единого принявшего Дракона еще нет и в помине, приходит другой приказ — направиться, со всей возможной быстротой, на юг, против другого скопища, которое так и не было найдено. Алсалам отдавал распоряжение сосредоточить все силы для защиты Бандар Эбана, когда ударом с трех сторон можно было разом покончить с врагами; или приказывал разделить войска, когда

сокрушительной атакой можно было добиться того же; или произвести набег на тот район, который, как знал Итуралде, принявшие Дракона давно покинули; или двинуться прочь оттуда, где, по его сведениям, те расположились лагерем. Хуже того, зачастую приказы Алсалама направлялись напрямую влиятельным аристократам, которые, как считалось, подчинялись Итуралде, и в результате Махир отправлялся в одну сторону, Тейкал — в другую, а Рахман — в третью. Четырежды в результате этого происходили сражения — из-за того что части армий со слепу натыкались ночью одна на другую, поскольку совершали марш по недвусмысленному приказу короля и не ожидали обнаружить впереди никого, кроме врага. И все это время принявшие Дракона росли в числе и набирались уверенности. Итуралде одерживал победы — при Соланже и Масине, у озера Сомал и при Кандельмаре; он преподавал урок лордам Катара — чтобы те не смели продавать врагам Арад Домана все добытое в своих шахтах и выкованное в своих кузницах. Но все его успехи на поле брани распоряжения Алсалама сводили на нет.

Но последний приказ отличался от прочих. С одной стороны, Серый Человек убил леди Туву, лишь бы не позволить ей добраться до Итуралде. Почему Тень опасалась этого приказа больше, чем какого-либо другого, — это загадка, но также и еще одна причина не мешкать, а пошевелиться. Пока Алсалам не достиг его еще каким-нибудь своим распоряжением. Полученный приказ открывал множество возможностей, и Итуралде обдумал каждую, все до единой, какие только смог себе представить. Но в любом случае все начинается здесь, сегодня. Когда остается лишь самый малый шанс, нужно за него ухватиться покрепче.

Издалека донесся пронзительный крик снежной сойки, затем второй, третий. Приложив ладони ко рту, Итуралде троекратно повторил резкий клич. Спустя несколько мгновений из-за деревьев появился косматый, светло-серый в яблоках мерин; белый плащ всадника испещряли черные полосы. И человека, и лошадь, если они будут стоять неподвижно, очень трудно разглядеть в заснеженном лесу. Подъехав к Итуралде, всадник натянул поводья. Это был приземистый мужчина, на поясе его висел меч с коротким клинком, а к седлу были пристегнуты лук в футляре и колчан.

— Похоже, милорд, они прибыли в полном составе, — откидывая капюшон с головы, произнес сильным голосом Донжэл.

Когда-то, еще в молодости, его хотели повесить, хотя причина оставалась покрыта мраком прошлого. Остатки короткостриженных волос всадника были серо-стального цвета. Темная кожаная повязка, закрывавшая правую глазницу, служила напоминанием еще об одной давней потасовке. Но даже с одним глазом Донжэл был лучшим разведчиком из всех, кого когда-либо знал Итуралде.

— Во всяком случае, большинство прибыло, — продолжал всадник. — Они выставили вокруг сторожки два кольца часовых, одно в другом. Враги сейчас в миле отсюда, но никто из них не подберется близко — в охотничьем домике непременно услышат и успеют скрыться. Судя по следам, они привели с собой не больше людей, чем вы сказали, но со счетов их не сбросишь. При таком раскладе, — мрачно прибавил он, — нас все равно превосходят числом.

Итуралде кивнул. Он предложил Белую ленту, и те, с кем он хотел встретиться, ее приняли. Три дня — и в этом все клянутся перед Светом своими душами и надеждой на спасение — не поднимать оружия друг против друга и не проливать кровь. Но в эту войну Белая лента не применялась, и вдобавок кое у кого появились весьма странные представления, в чем заключается спасение. Например, у тех, кто называет себя принявшими Дракона. Итуралде всегда считали игроком, хотя он им не был. Весь фокус в том, чтобы знать, на какой риск можно пойти. А иногда — в том, чтобы знать, на какой риск пойти необходимо.

Вытянув из-за голенища сапога зашитый в промасленный шелк пакет, Итуралде протянул его Донжэлу:

— Если через два дня я не доберусь до Коронского Брода, передай это моей жене.

Разведчик запрятал пакет куда-то в недра своего плаща, коснулся лба и развернул лошадь на запад. Раньше он уже не раз выполнял подобные поручения, как правило накануне битв. Да ниспошлет Свет, чтобы в этот раз Тамсин не суждено было открыть пакет. Иначе она сама придет за ним — именно так она ему и заявила. Это будет первый случай, когда живой не оставит в покое мертвого.

— Джаалам, давай-ка проверим, — сказал Итуралде, — что ждет нас в охотничьем домике леди Осаны.

Он послал Дротика вперед, остальные выстроились цепочкой за ним.

Пока они ехали, солнце добралось до зенита и вновь стало спускаться. Темные облака на севере придвинулись ближе, и холод щипал все сильнее. Ни звука, кроме похрустывания ломавшегося под копытами ледяного наста. Казалось бы, в опустевшем лесу не было никого, кроме отряда Итуралде. Он не видел ни одного из упомянутых Донжэлом часовых. Мало кто был согласен с разведчиком в том, что их можно увидеть за милю. Конечно же, Итуралде будут ждать. И следить за ним — чтобы удостовериться, что он не ведет за собой армию, объявлена Белая лента или нет. Немало, вероятно, найдется таких, кто имеет веские основания утыкать Итуралде стрелами. Лорд может дать клятву Белой ленты за своих людей, но все ли они чувствуют себя связанными клятвой? Иногда другой возможности нет, и приходится идти на риск.

Ближе к исходу дня за деревьями вдруг смутно обрисовался так называемый охотничий домик Осаны — скопление светлых башенок и изящных остроконечных куполов, которые скорее приличествовали какому-нибудь особняку, вполне уместного и среди дворцов самого Бандар Эбана. Леди Осана охоту обычно вела на мужчин или же боролась за власть, но ее охотничьи трофеи были многочисленны и примечательны, несмотря на относительную молодость. Происходившие же тут «охоты» заставили бы изумленно вскинуть брови даже столичных зрителей. Теперь же охотничий домик был покинут всеми. В разбитых окнах, зиявших, точно беззубые рты, ни проблеска огонька, ни малейшего движения. Однако снег, засыпавший расчищенный участок вокруг домика, был недавно плотно утопан лошадьми. Итуралде, не замедляя шага, въехал через стоявшие распахнутыми створки нарядных, отделанных медью ворот в главный внутренний двор. Следом за ним — его отряд. Копыта застучали по брусчатке — там, где снег был стоптан в слякотную кашу.

Навстречу не выбежали слуги — чего Итуралде, впрочем, и не ожидал. Осана сгнула в самом начале сотрясавших нынче Арад Доман невзгод — бедствия рвали страну, точно собака крысу, и ее слуги переметнулись на службу к другим представи-

телям ее рода, согласившись на те места, которые им предложили. В эти дни тот, у кого нет хозяина, голодает или превращается в разбойника. Или в принявшего Дракона. Спешившись в конце двора перед широкой мраморной лестницей, Итуралде передал поводья Дротика одному из своих солдат. Джаалам приказал солдатам отыскать какое-нибудь местечко, где можно укрыться самим и укрыть лошадей. Разглядывая окружавшие двор мраморные балконы и широкие окна, солдаты вели себя так, словно ожидали получить арбалетный болт между лопатками. Двери одной из конюшен были приоткрыты, но, несмотря на холод, солдаты разошлись по углам двора, сбившись в кучки вместе с лошадьми. С такой позиции они держали под наблюдением весь двор и ворота. Если случится самое худшее, возможно, хоть кому-то удастся ускользнуть.

Поднимаясь в сопровождении Джаалама по ступеням, Итуралде снял перчатки, заткнул их за пояс и поправил кружева. Под подошвами сапог похрустывал снег — он был вытоптан и подтаял, а потом вновь замерз. Итуралде сдержал порыв оглянуться вокруг и смотрел только прямо перед собой. Он обязан выглядеть в высшей степени уверенным, как будто все идет так, как он ожидает. Уверенность — один из ключей к победе. Если противная сторона считает, что ты уверен, то иногда это почти так же хорошо, как и в самом деле испытывать уверенность. На верхней площадке Джаалам, потянув за золоченое кольцо, отворил створку высоких, украшенных резьбой дверей. Итуралде тронул пальцем щеку, проверяя, на месте ли мушка, — онемевшая от мороза кожа не чувствовала прилипшую черную бархатную звездочку, — а затем шагнул внутрь. Преисполненный самоуверенности, как будто он был на балу.

В смахивающем на пещеру вестибюле царил такой же ледяной холод, что и снаружи. Когда он дышал, у рта клубились облачка тумана. Неосвещенное пространство зала, казалось, затопили сумерки. Разноцветный мозаичный пол изображал охотников и животных, плитки местами были выщерблены, как будто по ним волокли что-то тяжелое или, быть может, на пол роняли что-то тяжелое. За исключением опрокинутого постамента, на котором некогда могла стоять большая ваза или маленькая статуя, зал был пуст. То, что не забрали при своем бегстве слуги, давным-давно разграбили разбойники. Вошедших ожидал один-

единственный человек — беловолосый и куда более исхудавший, чем его помнил Итуралде по прошлой встрече. Нагрудник кирасы был помят, в ухе покачивалась всего лишь маленькая простая золотая серьга-кольцо; но кружева были ослепительно-белыми, сверкающий алым полумесяц возле левого глаза и в лучшие времена не вызвал бы нареканий даже при дворе.

— Во имя Света, приветствую вас под Белой лентой, лорд Итуралде, — официально произнес встречающий, отвечивая легкий поклон.

— Во имя Света, я явился под Белой лентой, лорд Шимрон, — отозвался Итуралде, отвечая на приветствие со всей учтивостью. Шимрон принадлежал к числу наиболее доверенных советников Алсалама. По крайней мере, пока не присоединился к принявшим Дракона. Теперь и у них в советах он занимал высокое положение. — Мой дружинник Джаалам Нишур честью связан с Домом Итуралде, как и все, кто пришел со мной.

До Родела никакого Дома Итуралде и в помине не было, но Шимрон ответил на поклон Джаалама, приложив ладонь к груди слева.

— Честь к чести. — Выпрямившись, он промолвил: — Следуйте со мной, лорд Итуралде.

Огромные двери бального зала кто-то снял с петель, хотя Итуралде даже не мог себе вообразить разбойников, которым вздумалось бы их украсть. Исчезнувшие створки оставили высокий стрельчатый проем, ширина которого позволяла войти в него сразу десятерым в ряд. Внутри овальной, лишенной окон комнаты полсотни фонарей всевозможных разновидностей разогнали тени, правда куполообразного потолка свет лишь едва достигал. Вдоль расписанных красками стен стояли две группы людей, разделенные широким пустым пространством; и если Белая лента вынудила их снять шлемы, то все две сотни — или чуть более того — воинов были облачены в доспехи, и, несомненно, никто из них не снял меча. По одну сторону находилось несколько доманийских лордов, могуществом не уступавших Шимрону, — Раджаби, Вакеда, Анкайр, — каждого обступила группа дворян рангом поменьше и присягнувших им простолюдинов. Там же стояли группки поменьше, в двух-трех из них вообще не видно было людей благородного звания. У принявших Дракона есть советы, но нет единого командующего. Тем не ме-

нее каждый из этих людей по праву командовал своим отрядом, причем у некоторых в подчинении были сотни, а кое у кого — тысячи. Ни один не выказывал особой радости оттого, что оказался в этом месте, а один-два недобро косились через разделявшее их пространство в сторону стоявших напротив тарабонцев. Те держались плотной группой и в ответ тоже бросали хмурые взоры. Пусть они все и принявшие Дракона, но доманийцы и тарабонцы друг друга терпеть не могли. Однако при виде чужеземцев Итуралде едва удержался от улыбки. Он не смел и надеяться, что сегодня явится хотя бы половина из них.

— Лорд Родел Итуралде идет под Белой лентой, — звонко прозвучал среди отбрасываемых фонарями теней голос Шмирона. — Пусть тот, кто помыслит о насилии, заглянет в свое сердце и подумает о своей душе.

На этом формальности кончились.

— Почему лорд Итуралде предложил Белую ленту? — требовательно спросил Вакеда, одной рукой стискивая эфес длинного меча, а другую, сжатую в кулак, уперев в бок. Высоким его назвать было нельзя, хотя ростом он и превосходил Итуралде, зато уж высокомерен Вакеда был, словно сам сидел на троне. Некогда женщины называли его красавчиком. Теперь же черная повязка, наискось пересекавшая лицо, закрывала пустую правую глазницу, а его мушка представляла собой черный наконечник стрелы, направленный на толстый шрам, переходящий со щеки на лоб. — Намерен ли он присоединиться к нам? Или попросит нас сдать? Всем известно, что Волк столь же смел, сколь и хитер. Неужели он настолько дерзок?

Среди его людей пробежал ропот, отчасти — веселый, отчасти — гневный.

Итуралде сцепил руки за спиной, чтобы ненароком не потребить рубин в левом ухе. Об этом жесте, свидетельствующем о его раздражении, все немало наслышаны, и порой Волк нарочито пускал его в ход, но сейчас ему необходимо являть собой спокойствие. Пусть даже собеседник орет прямо в ухо! Нет, только спокойствие. В гневе бросают вызов на поединок, но он сюда пришел, чтобы сразиться в поединке, а для этого нужно хладнокровие. Слова бывают оружием куда более убийственным, чем мечи.

— Каждый здесь присутствующий знает, что на юге у нас есть другой враг, — произнес Итуралде невозмутимым тоном. —

Шончан проглотили Тарабон. — Он оглядел тарабонцев, наткнувшись на ничего не выражающие взгляды. Он никогда не отличался умением читать по лицам тарабонцев. С этими нелепыми усами — словно волосяные моржовые бивни, куда там салдэйцам! — и с этими смехотворными вуалями, они все равно что маски нацепили, а тусклый свет фонарей ему не помощник. Но Итуралде видел их не только в вуалях — и в кольчугах тоже, и тарабонцы ему были нужны. — Шончан устремились на равнину Алмот и продвинулись еще севернее. Их намерения очевидны. Они хотят захватить и Арад Доман. Боюсь, они намерены завоевать весь мир.

— Значит, лорд Итуралде хочет знать, на чьей мы будем стороне, если эти шончан нападут на нас? — спросил Вакеда.

— Я искренне верю, лорд Вакеда, что вы станете сражаться за Арад Доман, — мягко произнес Итуралде.

Вакеда побагровел, будто ему в лицо бросили неприкрытое оскорбление, а присягнувшие лорду дружинники потянулись было к оружию.

— Беженцы поговаривают, что теперь на равнине появились Айил, — поспешно вступил в разговор Шимрон, словно он опасался, что Вакеда нарушит Белую ленту. Никто из людей Вакеды не обнажит меча, если этого не сделает их лорд или если он не прикажет им взяться за оружие. — Они, судя по донесениям, сражаются за Возрожденного Дракона. Должно быть, это он их послал. Наверное, нам на подмогу. Никто еще не побеждал армию Айил. Этого не удавалось даже самому Артуру Ястребиное Крыло. Помните Кровавый Снег, лорд Итуралде? Мы тогда были молоды. Думаю, вы согласитесь со мной, что тогда мы их не победили, что бы там ни утверждали историки. И я не поверю, что армия у шончан такая же большая, как тогда была у нас. Я сам слышал, что шончан движутся на юг, в сторону от границы. Нет, я полагаю, что в следующий раз мы услышим, что они *отступают* с равнины, а не наступают на нас.

В бою Шимрон был неплохим командиром, но всегда отличался педантичностью.

Итуралде улыбнулся. С юга вести приходят много быстрее, чем откуда бы то ни было еще, но он опасался, что ему самому придется заговорить об Айил, а тогда они могут решить, что их пытаются как-то обхитрить. Он и сам с трудом верил такому: айильцы — на равнине Алмот. Итуралде не стал указывать на

то, что Айил, посланные на помощь принявшим Дракона, с большей вероятностью появились бы в самом Арад Домане.

— Я тоже расспрашивал беженцев, и говорили они о набегах айильцев, а не об айильском воинстве. Что бы Айил ни делали на равнине, продвижение шончан они, может, и замедлят, но никак не заставят тех повернуть обратно. Шончанские летающие твари начали разведку по нашу сторону границы. Отступлением тут и не пахнет.

Эффектным жестом выхватив из рукава бумагу, Итуралде высоко поднял ее, демонстрируя всем оттиснутую на зелено-голубом воске печать с изображением меча и руки. Как обычно в последнее время, он не ломал королевскую печать, а при помощи нагретого клинка целиком отделял ее от бумаги, оставляя невредимой, — дабы показать всем скептикам и сомневающимся. А таковых, стоило людям услышать некоторые распоряжения Алсалама, находилось предостаточно.

— От короля Алсалама я получил приказы собрать как можно больше солдат, всюду, где смогу отыскать их, и нанести мощный удар по шончан. — Итуралде глубоко вздохнул. Ну вот, он воспользовался еще одной возможностью, еще одним шансом, и теперь Алсалам может отправить его на плаху, если только кости не упадут на доску в нужной комбинации. — Я предлагаю перемирие. Именем короля я обещаю не выступать против вас каким бы то ни было образом, пока шончан остаются угрозой для Арад Домана, если и вы пообещаете то же самое и станете сражаться вместе со мной против шончан, пока они не будут отброшены.

Ответом ему стало молчание, все были потрясены. Раджаби выглядел так, словно его огрели алебардой по бычьей шее.

Вакеда покусывал губу, точно изумленная девчонка. Один только Шимрон пробормотал:

— А можно ли их отбросить, лорд Итуралде? На равнине Алмот я, как и вы, сталкивался с их... с их посаженными на цепь Айз Седай.

Собравшиеся переминались с ноги на ногу, шурша подошвами сапог, лица потемнели от мрачного гнева. Кому понравится оказаться беспомощным перед лицом врага; однако, чтобы понять, каков этот враг, достаточно было оказаться в том бою, вместе с Итуралде и Шимроном.